

ческом алломорфы делятся на стилистически нейтральные (напр. *vorota* — [*varot*]) и стилистически отмеченные — маркированные (напр. *vrata* — [*vrat*]), несущие определенную стилистическую нагрузку. В задачу настоящей работы входит рассмотрение комбинаторных и факультативных алломорфов без стилистических пометок.

П. указывает на сложность, связанную с вычлениением корневой морфемы из словоформы, так как границы внутри основы слова бывают не всегда достаточно ясны (особенно у непродуктивных глаголов). В случаях особо сложных, напр. в глаголах на -чь, рассматривается в настоящей работе основа инфинитива как корневая морфема. Как уже было выше сказано, автор ограничивается рассмотрением корневых алломорфов только имен существительных и глаголов, причем его интересует производная основа (корневая морфема) в плане парадигматическом и синтагматическом в том случае, когда она является производной для имен существительных и глаголов. Стремясь дать синхронное описание, П. оставляет в стороне вопросы этимологического анализа. Материал ограничен „Словарем русского языка“ С. И. Ожегова (издание 4, Москва, 1961). При выделении морфем автор обращалась за справками к „Школьному словообразовательному словарю“ З. А. Потихи (Москва, 1964). В работе анализируются качественные и количественные изменения морфем исконно русских слов и старых заимствований. Для качественного изменения употребляется термин „морфологическая альтернативация“, а для названия члена альтернативы — „альтернат“. Далее приводятся ряды альтернатив и примеры всех возможных количественных изменений морфем имен существительных и глаголов. П. дает их характеристику и заодно отмечает специфические моменты, отличающие обе части речи.

Последнюю часть книги представляет „Заключение“ (с. 93—95). В нем П. дает краткий обзор результатов своего исследования, обращает внимание и на те вопросы, которые остались открытыми. В самом конце книги помещено краткое польское резюме (с. 100—101).

Рецензируемая книга является одной из немногих работ, посвященных морфонологическому описанию русского языка. Ее можно считать вкладом в область изучения алломорфичности современного русского литературного языка. На выводы ее могут опереться специалисты, работающие в данной области.

Алеи Бранднер

Борис Андреевич Успенский: Первая русская грамматика на родном языке (доломоновский период отечественной русистики). Издательство „Наука“, Москва, 1975, 232 стр.

Настоящая работа, изданная Институтом русского языка АН СССР, посвящена доказательству того, что первая грамматика русского языка не была написана Ломоносовым, как это считалось до последнего времени. В фондах Библиотека АН СССР автору удалось обнаружить не известный до сих пор рукописный фрагмент грамматики 30-ых годов 18 века, которая является опытом кодификации русской речи. На основании филологического анализа доказывается существование более полного текста и вместе с тем определяются конкретные возможности для его реконструкции. Рассмотрение указанной грамматики, ее источников и ее последующей судьбы даёт основание говорить об особом — доломоновском — периоде отечественной русистики, основными представителями которого являются В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский и В. Н. Татищев. Этот период тесно связан с петровской реформой азбуки и вообще с идеологией петровской эпохи.

Предлагаемая книга строится из двух частей. В первой („Исследование“, с. 7—94) доказывается наличие доломоновской грамматики русского языка, написанной на родном языке. Ей предшествовали грамматики, написанные на иностранных языках (на латинском: *H. W. Ludolf, Grammatica Rossica, Oxonii, 1696*; на французском: очень неполная и содержащая по существу только фрагментарные замечания, автором которой является предположительно *И. С. Горлицкий, Grammaire françoise et russe en langue moderne accompagnée d'un petit dictionnaire pour la facilité du comerce, СПб, 1730*; на немецком: *B. E. Адодуров, Anfangs-Gründe der Russischen Sprache* — как приложение Вейсманова лексикона — СПб, 1731; на шведском: *Michael Groening, Thet är Grammatica Russica, eller Grundelig Handledning til Ryska Språket, Stockholm,*

1750). В своем исследовании автор приходит к следующим заключениям: 1. Российская грамматика М. В. Ломоносова (СПб, 1755) не была первой грамматикой русского языка на родном языке. Грамматическое описание на русском языке было составлено более чем за 15 лет до ее появления. 2. Вышеупомянутая грамматика М. Гренинга, написанная на шведском языке, оказалась переводом не известной до сих пор русской грамматики. Этот перевод с ней дословно совпадает и оказывается одним из основных источников при ее исследовании. У. еще подчеркивает, что на титульном листе указано, что грамматика издана М. Гренингом, а не сочинена им.

Доселе неизвестная русская грамматика на родном языке хранится в отделе рукописей Библиотеки Академии наук в качестве анонимного сочинения. Она представлена не полностью. В ней имеются, с одной стороны, пустые страницы, с другой стороны, она явно не окончена. Она содержит только собственно первую часть, посвященную вопросам орфографии и отчасти фонетики. В вводном рассуждении представлен план всего произведения в целом, из которого следует, что рукопись должна состоять из четырех частей: орфографии, этимологии (т. е. морфологии), синтаксиса и просодии (т. е. орфоэпии). Что касается ее авторства, У. полагает, что есть все основания считать автором Василия Евдокимовича Адодурова (1709—1780), первого русского адъюнкта Академии наук и активного члена ее „Российского собрания“ (образованного в 1735 г.). Одной из его основных задач было создание грамматики русского языка. Исследуемая рукопись написана разными почерками. У. предполагает, что она была начата несколько ранее августа 1738 г. и процесс написания продолжался до июня 1739 г. Ее владельцем являлся И. М. Сердюков, инженерный деятель середины 18 века. Во время ее написания он числился учеником академической гимназии (т. е. с 1735 г. по 1743 г.). Сердюков посещал лекции в академическом университете, предназначенные по тогдашнему уставу для гимназистов. Его рукой написана основная часть. Кроме того, в написании приняли участие еще два писца. У. считает, что Адодулов давал грамматику своим слушателям для переписывания, по-видимому, по частям, или он им просто свое сочинение диктовал, как это было тогда принято. Если грамматика Адодулова расходилась в списках среди учеников гимназии, то по мнению У., таким образом она могла попасть и к Гренингу, который преподавал в академической гимназии с 1743 г.

У. ссылается на работу Унбегауна („Drei russische Grammatiken des 18. Jahrhunderts. Nachdruck der Ausgaben von 1076, 1731 und 1750 mit einer Einleitung von B. O. Unbegaun“, München 1969), который констатирует, что вторая часть грамматики Гренинга, посвященная морфологии, не может считаться оригинальной, поскольку она обнаруживает непосредственную зависимость от грамматики Адодулова 1731 г., изданную в качестве приложения к лексикону Вейсмана („Teutsch-Lateinisch und Russisches Lexikon, samt denen Anfangs-Gründen der Rußischen Sprache, СПб, 1731). У., однако, подчеркивает, что это замечание может быть отнесено еще в большей степени к третьей части стокогольмской грамматики, которая в большинстве случаев дословно соответствует тому же очерку. В качестве иллюстрации в предлагаемой книге приводится текст для сопоставления начала синтаксического раздела в том и другом источнике. Оригинальной считалась до сих пор только первая часть (посвященная орфографии), потому что в кратком очерке Адодулова 1731 г. соответствующий раздел дан сжато. Однако У. доказывает, что она представляет собой простой перевод грамматики русского автора.

У. полагает, что грамматика Адодулова не осталась незамеченной современниками и отразилась в последующих грамматических сочинениях. Она, по-видимому, не была известна Ломоносову, и это обстоятельство в большей степени способствовало его последующему забвению. Единственный, кто определенно был знаком с рассматриваемым трудом — это В. К. Тредиаковский (1703—1769), который с осени 1730 г. был с Адодуровым лично знаком и их связывала совместная работа в „Российском собрании“ при Академии наук. Орфографический трактат Тредиаковского 1748 г. обнаруживает целый ряд более или менее показательных совпадений с исследуемым сочинением. С его помощью можно сделать себе представление о лингвистических взглядах Адодулова и реконструировать более полный текст рассматриваемой грамматики.

В книге далее говорится об анонимных отсылках, встречающихся в грамматике. Автором целого ряда предложений, на которые ссылаются в своих произведениях Адодулов, Тредиаковский, а иногда и Ломоносов, является В. Н. Татищев (1686 до 1750), выступающий как одна из наиболее авторитетных фигур в доломоносовской русистике. Его лингвистическое наследие относится преимущественно к области лексикографии, но по некоторым источникам можно судить и о его орфографических взглядах.

První část knihy končá konstatacíí, že V. E. Adodurov je hlavním předchůdcem Lomonosova v otázce popisu ruského literárního jazyka. V otázkách kodifikace on zaujímal mnohem více radikální pozice, než Lomonosov. Jeho návrh, jak odstranit z abecedy písmena *ер, фты, ижицы, і десятиричного* mohla být uskutečnena bez malého dvacíti let zpoždění.

Druhá část knihy — „*Материалы*“ (s. 92—221) je rozdělena do tří částí. První („*Текст грамматики*“, s. 92—127) obsahuje reprodukce textu zkoumané grammatiky, přenášené s dodržováním ortografie a interpunkce zdroje. Ve druhé části („*Текстологические примечания*“, s. 127—171) jsou textologické poznámky, týkající se historie daného díla. Jsou srovnány s odpovídajícími reprodukcemi rukopisů. Rozdíly k reprodukci ruského seznamu grammatiky Adodurova jsou uvedeny ve švédském překladu Gröninga; ruský překlad k švédskému textu je uveden v hranatých závorkách. Třetí část představuje „*Объяснительный комментарий*“ (s. 171—221). On se týká odstavců samotné grammatiky. V něm jsou uvedeny jako ruský seznam, tak i švédský překlad odpovídajících částí. Pokud komentář se týká odstavce, který je uveden pouze ve švédském překladu, číslo odstavce je uvedeno v hranatých závorkách; v tomto případě text odpovídajícímu odstavci je třeba hledat v části textologických poznámek.

V závěru knihy je přiložen seznam zkratk („*Принятые сокращения*“, s. 222—232).

Knihu obsahuje nové informace z historie popisu a kodifikace ruského literárního jazyka. Lingvisté, pracující v oblasti grammatiky ruského jazyka, budou její čtením velmi zájmováni.

Алеш Бранднер

NINTH INTERNATIONAL CONGRESS OF PHONETIC SCIENCES 1979

IX. mezinárodní kongres fonetických věd

Podle *Amsterdamu* (1932), *Londýně* (1935), *Ghentu* (1938), *Helsinkách* (1961), *Münsteru* (1964), *Praze* (1967), *Montrealu* (1971) a *Leedsu* (1975) se ve dnech 5.—11. srpna 1979 konal další, v pořadí devátý mezinárodní kongres fonetických věd v *Kodani*. Účastnilo se ho na 700 účastníků z vědeckých pracovišť celého světa. I když nedosáhl počet 900 účastníků, jenž znamenal VI. mezinárodní kongres fonetických věd konaný v Praze v roce 1967, řadí se kongres kodánský nesporně k jednomu z největších setkání badatelů v oboru fonetických věd. Z Československa se ho účastnilo celkem 15 vědeckých pracovníků, a to jednak v rámci tématického zájezdu, který pro zájemce z celé republiky uspořádalo Jazykovědné sdružení ČSAV Praha za souhlasu prezidia Československé akademie věd, jednak jako turisté.

Organizací kongresu byl pověřen Fonetický ústav kodánské univerzity v čele s prezidentkou Eli Fischerovou-Jørgensenovou a dlužno říci, že se svého poslání se ctí zhostil. Vědecká i společenská úroveň kongresu byla vysoká, na pořad byly zařazeny hodnotné referáty předních badatelů, jejichž volbou se organizátoři snažili obsáhnout co nejširší paletu jednotlivých fonetických věd, vybraní referující pak podali co nejširší přehled o vědeckém bádání a výsledcích v daných úsecích.

Vlastním zahájením vědeckého programu byl plenární referát švédského lingvisty ze stockholmské univerzity profesora Bjørna Lindbloma „*The Goal of Phonetics, its Unification and Application*“, v němž, vycházející z historie, fundovaně a výstižně nastínil úkoly současné fonetiky i nutnost interdisciplinárních přístupů v lingvistickém bádání.

Další plenární zasedání byla věnována třem okruhům: produkci řeči; percepci řeči a fonologii. Hlavní referáty byly svěřeny P. F. MacNeilageovi z univerzity texaské, M. Studdert-Kennedymu z univerzity newyorské a H. Basbolovi z univerzity Odense, Dánsko, koreferáty pak P. Ladefogedovi a M. Sawashimovi, L. Chistovičové a H. Fujisakimu, S. E. Andersonovi a J. B. Hooperové. V plénu proběhly rovněž 4 speciální přednášky, a to: G. Funt, „*The Relation between Area Functions and the Acoustical Signal*“; O. Fujimura, „*Methods of Analysis in Speech Acoustics*“; N. A. Lassen, „*The Physiology and Pathophysiology of Language Functions*“; H. Wakita, „*New Methods of Analysis in Speech Acoustics*“.